

На небо по звездочки

Екатерина Медведева

ФАНТАСТИКА

Хорошо ничего не делать, лежать ночью в стогу да смотреть, как дрожит-вздыхает вверху черное с золотом покрывало. Небесная Хозяйка его встряхивает иногда, и, как крошки со скатерти, сыплются с неба звездочки. Подбери себе такую, дырочку проделай да на шею повесь — и станешь самым счастливым.

Ешка видел такие звездочки у Сомы-везунчика на шее, аж три, и все разные — одна синяя, вторая черная искристая, а третья как кусочек льда. Это потому, что первую нашел Сомы на дне колодца, вторую — в забившемся дымоходе, а третью — зимой, когда прорубь на реке высекал. Тусклые эти звезды, правда, совсем не такие, как на небе. Может, и ненастоящие? Но желания Сомыны сбылись, это точно — и сам не болел, и жена-красавица не старела, и коровы его каждый год по два теленка приносили.

Ешке бы тоже звезду. Не для себя, зачем ему. Для Марии.

Видели, как несет хозяйка из хлева полный доверху подойник с молоком? Она идет медленно и торжественно, неся подойник, будто священный Грааль из колдуновых сказок. Мария ходила так всегда. Как священный Грааль, она несла себя. У нее были редкой красоты золотистые волосы. Они сверкали и переливались на солнце, так и хотелось дотронуться и погладить. Таких волос не было ни у кого в королевстве, Ешка знал доподлинно.

Мария была Ешкиной соседкой.

Мария была прекрасна.

Мария отказывала всем женихам.

Говорила, что выйдет замуж только за того, кто ей звезду с неба достанет.

На самом деле врала, конечно. Вся деревня знала, что Мария хочет замуж за короля. Он проезжал раз в пять лет по здешней дороге на королевскую охоту — ловить редкого зверя шевелюра — и вот-вот должен был появиться. Пять лет назад Мария еще мала была, а сейчас в самом соку. Вот и спроваживает ухажеров за звездой на небо, а сама у окошка сидит, косу плетет, в огороде работать отказывается, чтоб белые руки свои не портить. Да родители особо и не заставляют. Кому ж неохота королевскими родственниками заделаться.

Ешка, конечно, не надеялся всерьез, что Мария согласится за него замуж. Красота такая — и за дурачка деревенского, пастуха коровьего?.. Но ведь говорят, что дуракам везет, вот он на авось и понадеялся. А она взглядом холодным его окинула да отшила так, что вспоминать стыдно. Вот и решил Ешка — принесет он ей звезду, подарит при всем народе, а как придется ей держать слово, тогда Ешка и скажет: «Да не хочу я на тебе жениться. Раздумал. Не так уж ты и хороша». И пусть

себе загадывает что хочет — замуж за короля или жизнь вечную-бессмертную, это уже не его, Ешкино, дело.

Да только загвоздка вышла. Звезды на земле искать — замаешься. Одни всю жизнь по старым штольням да оврагам лазают без толку, другим звезды сами в руки прыгают. Ешка был явно из первых. Поэтому все чаще поглядывал на небо, где этих самых звезд — не сосчитать. Небо-то — вот оно, кругом, куда ни посмотри. Да только дорожки туда нету. В церкви говорят: как помрешь, так вмиг на небе окажешься, но Ешка надеялся сыскать тропку пусть и подлиннее, но зато чтоб и назад выпускали.

И отправился Ешка к местному колдуну. К нему все ходят — кто красавицу приворожить, кто корову раздоить, кто сказки послушать. А колдун молодой, наглый, за словом в карман не лезет, девки его страсть как любят — высокий, рыжий, один глаз синий, другой коричневый. Днем ходит он в старых одежках, а на ночь надевает кафтан, звездным небом да зарницами вышитый, каждая пуговка — как звездочка сияет. Красота. Ешка в город ездил, хотел себе такой же, да не нашел.

Станный этот колдун. В доме — ни тебе пучков травы заговоренной, ни котла, ни черного кота или там вороны. Он и не колдунствует особо. Все больше в огороде копается. То черную морковку вырастит, то белую редиску. Овощ, говорит, у вас тут хорошая, сочная. Так известное дело, деревня-то на черноземах стоит, палку в землю воткни — расцветет. Ешка часто к колдуну заходил — не с просьбами, а так, за жизнь поговорить. Заодно то семян огуречных приносил, то с навозом помогал и пугало смастерил знатное, сам сначала боялся. Ну а как не помочь. Ведь колдун колдуном, а как лопату держать правильно, не знает, репу от редьки сначала отличить не мог. Ешка и учил его огородничать. За эту науку Рыжий обещал ему при случае подсобить. Вот он, случай-то, и настал.

Рассказал Ешка свою просьбу, но так, без подробностей: хочу, мол, звезду с неба, мечту заветную исполнить. Улыбнулся колдун:

— Ишь какой шустрый. Звезду, и **прямо** с неба. Может, тебе луну сразу?

Ешка пальцем песок поковырял и настойчиво объяснил, что луна ему без надобности, а вот звезда нужна до зарезу.

— Да ты понимаешь ли, дурак, чего хочешь? — взвился было колдун. А потом примолк, задумался, будто вспоминая кого. И согласился вдруг: — Ну хорошо, помогу я тебе.

Оторвал пуговку от своего кафтана, нашептал ей что-то на ушко да ниточку привязал. Держись, говорит, Ешка, за ниточку и иди. А когда ниточка тебе вокруг пальца

обовьется, давить начнет — останавливайся и стучись в первую попавшуюся дверь. И пуговку предъяви. Да только откуда ты, из какой деревни ни за что не признавайся, а не то можешь домой не вертаться — изничтожу.

Подивился Ешка, испугался для виду, но спрашивать ничего не стал. Вручил колдуну, как положено, десяток яиц да шматок сала, попрощался и пошел. Долго ли, коротко ль, через поля и через реки брел он, брел, заплутал в лесной глухомани, а ниточка за палец и задергала.

Да где же тут дверь? Смотрит, за деревьями избушка ветхая, крыша мхом поросла, ставни паутиной затянуты, из трубы опять растут. Делать нечего — постучал. Открыла ему рыжая девчонка с косичками.

— Чего надо? — грубо спросила.

— А взрослые дома есть? — поинтересовался Ешка. Очень уж он девчонок не любил — нахальные, насмешливые, гляди в оба, чтоб не подшутили.

— Нету и не будет, — отрезала она. — Еще вопросы?

— Так я, это, за звездой пришел, — молвил Ешка и пуговку ей протянул. Увидела она ту пуговку да в лице переменялась.

— Ах, за звездой. Ну заходи, гость. Чаю хочешь?

— Хочу! — обрадовался Ешка.

— А раз хочешь, то пойдем, поможем тебе воды принести, — сказала она. — Только запомни, по тропинке ступай и в сторону не сворачивай. А то худо будет.

Надели они резиновые сапоги и вышли — вроде в ту же дверь, да совсем в другую, наружу. Избушка-то в еловом лесу стояла, а вышли в березняк. Пасмурно, вечереет. Тропинка чавкает. Грязь кругом несусветная. А Ешке по нужде захотелось, ну он в ивовые кусты и сиганул было — да только не оказалось кустиков, нога его нависла над пустотой, и сквозь расплывающийся полупрозрачный ивняк увидел он облака, а под ними плывущую куда-то голубым шариком Землю...

— Куда?! — заорала девчонка и, отшвырнув ведро, двумя руками ухватила за него, втащила назад.

— Во дела! — подивился Ешка. — Вроде ж обычная наружу — лес, тропинка, — а выходит, видимость одна?

— Конечно, видимость, — сердито сказала девчонка.

— Родной пейзаж, березки, ивушка. Чтoб дураки вроде тебя разумом не двинулись.

— Так это я, что, на небе? — обалдел Ешка. — А ты, стало быть, сама Небесная Хозяйка?! Я думал, ты не такая!

— А какая? — взвилась девчонка. — С лубяной ногой, с шишкой вместо носа?

Он посмотрел — а у нее веснушки на щеках да нос уточкой, и косички жиденькие едва до плеч достают. «Да нет, просто покрасивше», — хотел ответить, да вовремя сдержался. И попросил вежливо — морок снять, чтобы небо, как оно есть, увидеть. Пожала плечами Рыжая, мол, как знаешь, и ахнул Ешка, потому что под ногами его оказался кисель не кисель, кудель не кудель, а что-то вязкое и мягкое. Враз парень в этой хляби завяз.

— Чего это? — говорит.

— Понятно чего. Тучи дождевые. Вон, видишь, оконца мокрые? Оттуда воду черпай.

Наносил Ешка воды, дров наколот, печь натопил, ну и вообще подсобил, чем мог. А что, он к работе привычный. Потом сидели они за столом, пироги с капустой ели, окрошку хлебали да под чай с плюшками разговоры разговаривали. Хорошо у них тут, на небе. Только овощи какие-то... безвкусные. Не еда, а видимость одна. Знамо

дело — колдунство. А овощ — ей же корешки нужно в землю поглубже запустить, да соков земельных напиться, да чтобы солнышко пропекло, да чтоб дождик полил. А тут какое солнышко, какой чернозем? Одна сырость.

Наугощался Ешка — аж живот заболел. Усмехнулась девчонка.

— Ну что, пойдем звезду тебе ловить, — говорит.

Вышли они из избушки — и в хлев. А там загончики, изгородочки, плошки с водой да миски с укропом. И звезд, звезд! Одни всё ползут куда-то, лапками перебирают. Другие сонно моргают, щурятся, лучиками глазки трут. Третьи вовсе сложились в кулачок и дрыхнут.

— Зачем ты их взаперти держишь? — возмутился Ешка. Она усмехнулась опять.

— Да разве ж я держу? — открыла дверь, отошла.

Звезды продолжали заниматься своими делами.

— День сейчас, — пояснила она. — Куда им? Вот ночью я их пасу.

— Пасешь? — оживился Ешка. Эта тема была ему близка. — А на дудочке играешь? Чтoб не разбегались.

— Нету у меня дудочки, — вздохнула Рыжая. Да ты мне время не занимай, давай звезду выбирай. Вон их сколько, хватай, какая понравится.

Звезды закопошились, услышав хозяйкин голос. Ешка рассматривал их изумленно, а девчонка поднимала за лапки то одну, то другую и рассказывала:

— Это пятничная звезда, от нее блеск недолгий да жар нетеплый. Славу дает, но только радости от той славы мало. Вон те звезды — четверговые, упитанные, крупные, от них тоже проку мало, разве что светло на весь дом. Возьми лучше вторничную, она хотя и маленькая, зато горит долго. Кто такую на шее носить будет, к тому люди потянутся, тот никогда в одиночестве не будет и любовь свою найдет.

— Мне б такую звезду, чтоб желания исполнять могла, — попросил Ешка.

— Так это тебе воскресная звезда нужна, — нахмурилась Рыжая. — Они самые редкие, еще найди попробуй в стаде... Ой, гляди-ка!

И Ешка увидел тоже — по его штанине, цепляясь ясными лучиками, карабкалась небольшая золотая звездочка.

— Впервые вижу, чтоб звезда сама человека выбирала, — присвистнула Небесная Хозяйка. — Ну, так тому и быть, забирай. Это она и есть, воскресная звезда, исполнительница желаний.

Ешка посадил звезду за пазуху, и они вышли на двор. Было пасмурно, вокруг избушки носились облака. Кудлатые, тонконогие, бестолковые. Куда ветер дует, туда они и мчатся. А чего мчатся, зачем? Глупые, лохматые, ну точно овцы. Их бы причесать да ленты вплести, красиво было бы.

Тут Ешка кое-что вспомнил.

— А каким макарон звезду желание исполняет? Какую, это, пользоваться?

— Да просто. Дырку проделай, на шею повесь, загадай, чего тебе надо, оно и исполнится.

— Дырку? Но как же?..

— Что, жалко? — усмехнулась Рыжая. — Ко мне обычно приходят те, кому не жалко. Некоторые сразу с молотком да гвоздем поострее.

— И ты им даешь?! — вскинулся Ешка.

— Даю, пинка под зад! — ухмыльнулась она. — Сверзятся с облаков на землю — вмиг позабудут, чего хотели...

А те, кому жалко, те бродят по вересковым пустошам да пересохшим руслам рек, неживые звезды ищут... Неживым-то не больно...

— Так ты дай мне неживую, — попросил он.

— На небе только живые водятся, — пожалала плечами она.

— А как же быть?

— Тебе решать, — сказала девчонка недовольно. — Нянька я тебе, что ли. Если б ты мне пуговку от братцева кафтана не показал, думаешь, я б с тобой разговоры разговаривала? — Она вздохнула, помолчала. — Как он там? Исхудал небось?

— Да нет, терпимо, — пробормотал Ешка. Заглянул в глаза девчонке, батюшки, один глаз синий, другой коричневым. И как он сразу не заметил? Как будто много на свете рыжих...

— Ладно. — Небесная Хозяйка хлюпнула носом да рукавом утерла щеки. — Некогда мне тут с тобой, мне грозу делать надо.

— Так я помогу? — предложил Ешка.

— Ну давай, — согласилась она.

И они сделали грозу. Воды-то уже было натаскано в дождевые бочки — так теперь ту воду на землю лили, Ешка стучал в большой медный лист колотушкой, а Рыжая швыряла вниз пригоршни молний, вытаскивая их из карманов. Да уж, с такой девчонкой не забалуешь! Чуть что не по ней, враз по лбу молнией шархнет, сиди потом, вспоминай, как тебя звать...

Нашумелись, насверкались, всю воду из бочек извели — умаялись.

— Ничего, зато теперь по всей земле месяц дожди с грозами идти будут, — довольно сказала девчонка. — А я месяц буду отдыхать...

— Да как же ты раньше одна с этим всем управлялась? — подивился Ешка.

Она потупилась:

— Зачем одна? Было кому помочь. А теперь вот никому... — Ее глаза заблестели. — Что, для невесты звезду просил? — спросила она как-то попросту, по-человечески.

И Ешка так же попросту признался, что никакая она не невеста и смотреть на него не хочет...

— Вот и у братца моего та же история, — вздохнула Рыжая. — Влюбился в какую-то земную девчонку, ушел с небес, и где он, что с ним, я уже пять лет не знаю, извелась вся.

Раскрыл было Ешка рот да и захлопнул. Не велено ж было признаваться, какая деревня, у какой реки стоит... Да она, к счастью, и не спрашивала. Так, велела кланяться и гостинцы передать, пирог с капустой и плюшки. Небось там, на земле, никто ему пироги не печет.

— Никто, — согласился Ешка. Ну а чего, про жите-бытье молчать не было велено.

На том и расстались.

Вернулся Ешка к колдуну, узелок с гостинцами отдал, пуговку возвращает, а колдун пуговку не берет да все Ешку выпрашивает — как там, на небе, да чего.

— Чего-чего, — не выдержал Ешка. — Я думал, ты человек хороший, а ты сестренку малую одну дома бросил, она еле-еле с тучами управляется, а ты тут редиской хрустишь?!

— Так уж и малую! — хмуро ответил колдун. — Уж ко-

ФАНТАСТИКА

нечно, всего-то пять тысяч лет стукнуло девочке... Если хочешь знать, по нашим небесным меркам она уже перестарочек, ее замуж никто не возьмет.

Не стал Ешка спорить. Сказал миролюбиво:

— Все равно, нехорошо. Тяжело ей там одной. И по тебе скучает.

— А я не скучаю, что ли? — взвился Рыжий. — Я побольше ее скучаю, может. Да только нет мне ходу назад. Она не сказала разве? — Ешка только руками развел. Уж о чем они только не беседовали, но не об этом. — Она ж не думает, что говорит. Когда я уходил, заявила в сердцах, чтоб обратно один не возвращался... только с ней, с той самой, ради кого ушел... А сказанное на пороге, при дороге, да еще в сердцах, — оно похуже нарочного колдунства работает... Так и сию теперь... Тут мне ничего не светит, а домой вернуться не могу.

— А пуговки? — вскинулся Ешка.

— А пуговки, — передразнил его колдун, — только в чужих руках силу имеют, а меня в болото лесное заводят. Пуговки-то сестрица сама пришивала, змеюка рыжая... — Он улыбнулся ласково. — Как она там, исхудала небось?

— Да нет, терпимо, — пробормотал Ешка. Помолчал, землю босыми ногами поковырял да и не выдержал: — Неужто совсем не любит тебя та, за которой ты на землю пришел?

— Не любит, — просто ответил Рыжий.

— А колдунством если?

— Дурак ты, Ешка, — вздохнул колдун.

Ешка согласно кивнул: конечно, дурак. Не думал даже, не догадывался, что колдуны, как простые люди, от безответной любви маяться могут. Дела-а...

Сели колдун с Ешкой на завалинку да пригорюнились. Глядь — Мария к ним идет, платье свое нарядное рукавами придерживает, чтоб в колдунов огород не вляпаться, да носик кружевным платком зажимает. Знамо дело, навоз — душистая вещь.

— Ах, колдун, помоги мне скорей! — чуть не плачет. — Прислала мне тетка из столицы письмо, а что в нем, не разобрать, почтальон в воду уронил... Поворожи, сделай милость!

Ешка знал: есть у колдуна в огороде две дыры — одна во вчера, вторая в завтра. Там, в затишке, за сельдереевым кустом. Может Рыжий запросто туда-сюда сходить, прошлое поправлять по мелочам, у будущего секреты выведывать. Вот как-то кафтаном своим за сук яблоневый зацепился, красивую вышивку попортил — сходил во вчера, сук у яблони отпилил, кафтан враз целым обернулся... А то черешни захотелось, а уж всю собрали и компот сварили — снова сбегал во вчерашний день, когда черешня еще на ветках висела, и притащил

цельную корзину, два дня ели с Ешкой, косточки в пыль плевали. Или вот, когда Ешка на рыбалку собирался, ходил колдун в завтра, смотрел, где рыба колобродит, а где не клюет вовсе, так Ешка ему таких карасей ведро притащил, пальчики оближешь.

Теперь вот, значит, письмо Мариино спасать надо.

— А как насчет вознаграждения? — подмигнул Рыжий.
— Поцелуешь?

— Может, еще замуж за тебя выйти? — с язвительной улыбкой спросила Мария. — Папаша меду для тебя припас, хороший мед, сладкий, липовый, вечером занесу.

— А поцелуй все-таки слаще, — ухмыльнулся колдун.
— Ладно-ладно, уже бегу.

Взял он замоченное письмо да и скрылся на огороде, а Ешка остался красавицу развлекать. Даже заплаканная, оставалась она милее всех на свете. Смотрела сердито по сторонам, на пастушка-дурачка и внимания не обращала. Только раз вымолвила: «Чего ж он так долго», и то не Ешке, а в сторону. Рыжий и правда задержался. Понятное дело, пока отыщет он во вчерашнем дне почтальона, пока письмо у него выпросит, пока обратную дорогу в сегодня найдет...

— Заждались? — Колдун возник словно из-под земли. Протянув Марии совершенно чистый неизмятый конверт, он шутиливо сложил губы трубочкой, но девушка даже не улыбнулась, она торопливо читала письмо.

— Завтра утром надевайте лучшие одежды, — сказала Мария через минуту. — Королевская охота проедет через нашу деревню. Я буду подносить королю хлеб-соль.

Ешка вспомнил колотушку.

— Может, завтра гроза будет, — сказал он. — Ты сапоги-то резиновые на всякий случай надень. А то ноги промочишь, чихать потом будешь.

— Что ты, Ешка, ерунду городишь! — отмахнулась Мария. А потом нахмурилась, задумалась. И попросила колдуна сходить в завтра — поглядеть, какая погода будет, вдруг правда дождь? И как там все сложится у нее с королем? Посадит он ее перед собой в седло или карету прикажет подать? И какого цвета на нем кафтан будет? Чтоб Мария платье в тон надела.

Из завтра вернулся колдун хмурый.

— Я в день завтрашний не попал, ближе к вечеру выкинуло. Смотрю, сидишь ты печальная у окошка, в платок кутаешься, слезы утираешь, и мамаша твоя горшками сердито гремит, а папаша чарку за чаркой пьет в одиночестве...

— Чего? — рассердилась Мария. — Это ты мне назло говоришь, да?

Рыжий пожал плечами:

— Что видел, то и говорю.

— Знаю я, почему ты такое говоришь. Потому что тебе отказала, а королю согласие завтра дам, — сказала Мария и зашагала сердито по грядкам прочь.

Колдун вздохнул. Почесал потылицу.

— Сходить, что ли, еще раз.

— Куда тебе? — успокоился Ешка. — Сам же говорил, что раз — хорошо, два — так себе, а после третьего можно и не вернуться.

— Ну а как? — жалобно сказал колдун. — А вдруг ее завтра кто обидит?

И шархнул снова в завтрашнюю дыру, только пятки сверкнули.

Час ждал Ешка, два ждал. Уж и стемнело, и звездное стадо на небе засияло. За пазухой у Ешки звезда заворочалась, выпустил он ее пастись на грядку с морковкой, а в огурцы велел не заходить, там и потеряться недолго. Час шел за часом, а Рыжий все не возвращался. Неужто сгинул?

Так и уснул опечаленный Ешка под сельдереевым кустом, и звезда, нагулявшись, прикорнула у него на груди.

С утра вся деревня высыпала на единственную улицу, шутка ли — раз в пять лет короля увидеть можно. А еще, поговаривают, Мария за короля замуж собралась. Высоко метит девка. Косы золотые — оно, конечно, редкость, но не ради же кос замуж берут! Хотя кто их, королей, знает.

Деревенский староста, в новом шерстяном кафтане, нещадно потел на утреннем солнышке, подносить королю штоф и чарку готовился, Мария же на рушнике держала каравай. Волосы Марии золотились на солнце, новое шелковое платье сверкало вышивкой и камнями, родители корову продали, чтоб это платье сшить, они стояли тут же, с иконой — благословлять. И вся деревня собралась, стар и млад, любопытно уж очень поглядеть, как красавицу Марию замуж брать будут. Что будут, никто не сомневался.

Ешка на короля смотреть не пошел — эка невидаль. Лежал себе на печи, со звездой игрался, подкидывал ее и ловил, а она посмеивалась тихонько да золотилась в полумраке. И тут в избу ворвался Рыжий, растрепанный, измотанный, лица на нем нет:

— Скорее, скорее, бежим, надо ее предупредить!

— Живой! — обрадовался Ешка.

— Звезду бери — и пошли! — велел колдун.

Ничего не понял Ешка, но звезду за пазуху сунул, с печи слез и за колдуном побежал...

Трубили рожки, лаяли собаки, дрожала земля — королевская охота приближалась. Вот-вот покажутся на улице первые всадники. Мария стояла недвижно, как изваяние, и только руки ее дрожали от волнения под тяжестью каравая.

Колдун дернул Ешку за рукав:

— Давай, твой час настал!

— Чего? — не понял Ешка

— Чего-чего! — передразнил колдун. — Иди, Марии предложение делай. Думал, я не знаю, для чего тебе звезда понадобилась?

Ешка надулся.

— Не могу я.

— Чего?! — завопил колдун так, что на них стали оборачиваться.

— Не могу предложение делать.

— Что вдруг? — подозрительно ласково спросил Рыжий.

— Ну это... — замялся Ешка. — Другую полюбил я.

— Это когда ж ты успел?

— Успел, загадочно сказал Ешка и потупился.

— Черт с тобой! — прошипел колдун и бросился к Марии: — Мария, уходи отсюда, не женился на тебе король... только обидит.

Глаза Марии вспыхнули зеленым пламенем:

— Опять ты? И дурака своего привел! А ну пошли вон оба! Не смейте портить мне самый важный день моей жизни!

